

Глава VIII

ХРОНИКА ОБЪЯВЛЕННОЙ СМЕРТИ

ЕЛИЗАВЕТА И ЕКАТЕРИНА: ВЫЗОВ ПО-ЖЕНСКИ

Что станется с Россией? После трех с лишним десятилетий женского правления на трон Романовых взойдет царь. Состояние здоровья Елизаветы уже несколько лет возбуждало домыслы самого безумного свойства. Осенью 1756 года императрицу постиг апоплексический удар; она вскорости оправилась, но стало понятно, что пора подумать о том, кто придет ей на смену. Угроза, что Петр разрушит все начинания своей тетки, была вполне реальна, и первой опасностью казалось то, что хрупкие, едва налаженные франко-русские связи пойдут прахом. И тут все взоры обратились к Екатерине, его супруге, которая хоть и продалась, как поговаривали, англичанам, была открыта для диалога — до известной степени. Петр Шувалов старался втолковать ей, сколь важно снова иметь в Петербурге французское посольство: это избавит Россию от риска вторжения войск Оттоманской империи, давней союзницы Версаля, которая могла бы попытаться таким образом защитить Польшу, чтобы ее не топтала мимоходом русская армия. Впрочем, великая княгиня тщетно пыталась этому воспротивиться: она замечала, что чем больше послов, тем больше интриг. На Людовика XV она злилась за то, что французы отказывались целовать ей руку. Ведь по своему рождению она не могла претендовать

на ранг дофины подобно Марии Жозефине Саксонской, но все прочие иностранцы во главе с англичанами не придавали этому такого значения.

Храня загадочность сфинкса, Екатерина со всеми держалась любезно, волей-неволей садилась за карточный стол с де Лопиталем, улыбалась самым ожесточенным своим недоброжелателям, вела с ними продолжительные беседы, остроумные и оживленные. Она хорошо усвоила уроки Елизаветы, всегда непроницаемой, ласковой с теми, чье падение уже было для нее делом решенным. Германская принцесса интриговала исходя из личных соображений, вразрез с пристрастиями своего мужа, тем паче что Петр был лишен такта, воспитания и способностей к дипломатии. Политики, фавориты и послы судили и рядили о том, каковы устремления этой молодой женщины. Она желала править; 29 августа 1756 года она призналась в этом своему наперснику, чрезвычайному посланнику Великобритании сэру Чарльзу Хэнбери Вильямсу¹. В России уже наступило к тому времени что-то вроде состояния междоусобия — та неверная атмосфера, когда все возможно, не следует отмахиваться ни от каких допущений.

Министры и сенаторы на свой манер готовились к грядущим переменам. Генерал-прокурор Трубецкой, ведя двойную игру, втайне поддерживал противников присоединения России к Версальскому договору. Апраксин перед Елизаветой в качестве рупора великой княгини «слепо» сообщал Петру и Екатерине о решениях Конференции министров. Бутурлин выступал, исполняя ее указания. Только Воронцов и Шуваловы держались особняком, с подозрением приглядываясь к Екатерине, однако не преминули заручиться поддержкой возможного посредника, внебрачного сына Ивана Трубецкого. Его звали Иван Бецкой, он обеспечивал также посредничество между миссией Людовика XV и немецкой принцессой, стараясь смягчить натянутость в их взаимоотношениях. Если верить их переписке, французские министры, разумеется, не доверяли великой княгине, но тем

не менее рассчитывали на нее в деле передачи кое-каких, пусть и не столь правдивых, сообщений в высшие государственные сферы. Как бы там ни было, на ум принцессы полагались во всех, даже самых враждебных ей придворных группировках².

Помешать франко-русскому сближению Екатерина не могла, но она по крайней мере старалась спасти британский альянс. Ее дружеские отношения с послом Хэнбери Вильямсом, тонким знатоком Горация, вызывали у Елизаветы подозрения, она вообще находила несносным тот факт, что жизнь малого двора оказалась вне сферы ее контроля. Пусть их императорские высочества занимаются голштейнскими владениями, но в международную политику не вмешиваются — таковы были ее указания. Связи великой княгини с британским посланником вызвали враждебность к ней со стороны клана Шуваловых, особенно Ивана, чьи ухаживания она к тому же в свое время, кажется, отвергла. Чувствуя настороженное отношение императрицы к племяннице, противники последней тем усерднее плели козни, подыскивая во имя своей цели все более впечатляющие аргументы³.

Брак Екатерины и Петра уже давно был при последнем издыхании, и не по вине великой княгини, а потому, что ее супруг предпочитал ей женщин неотесанных, вульгарных и лишенных культуры, а то и своих марионеток или солдат, прибывших из Голштейна. Впрочем, и Екатерина утешалась по-своему, и до тех пор, пока ее страсти или дружеские привязанности не влияли на дела государства, Елизавета делала вид, что ничего не замечает. Но в 1756 году супружеская жизнь молодой пары разладилась вконец, став посмешищем для всего двора. Великий князь затеял любовные шашни с несколькими женщинами, состоявшими на службе у императрицы. Мало того: он строил куры герцогине Курляндской, дочери Бирона, тридцатилетней, к тому же горбунье. Вместе с тем он воспылил великой страстью к племяннице Воронцова Елизавете Романовне, уродине с громадным бюстом⁴. Если верить описанию Екатерины, это была девица

семнадцать лет с изъеденной оспой зеленовато-смуглой кожей, физически до крайности нечистоплотная⁵. Но несмотря на свою горячую привязанность к ней, великий князь не постеснялся и ее обмануть с племянницей Разумовского, особой не менее отталкивающей. В своих страстных порывах он, безусловно, не пренебрегал и служанками. Шалости супруга, по-видимому, не уязвляли Екатерину, явно более чем довольную тем, что она его не интересуется. Между тем их разлад порождал дипломатические интриги и домыслы насчет того, к каким переменам политического курса это может привести.

Однако Екатерина сыграла предназначенную ей роль: родила наследника. Это событие, случившееся в 1754 году, вызвало у Бестужева прилив внезапной симпатии к ней: канцлер стал покровительствовать ее мимолетным романам, имея на то личные стратегические резоны. Уж не почуял ли старый лис, искушенный в политике, что эта германская принцесса, приверженная русским традициям, держит в своих руках будущее России? Екатерина устала от Салтыкова, своего первого «официального» любовника, он разочаровал ее амурными эскападами, в которые пускался во время частых дипломатических миссий. Канцлер живо подобрал для нее нового обожателя — Станислава Понятовского, польского посланника по особым поручениям. Он прибыл с тем, чтобы представить условия, на которых король Август III соглашался позволить русским войскам пересечь его территорию. Эти двое молодых людей уже были знакомы, их первая встреча произошла в 1755 году, граф тогда сопровождал британскую миссию. Он тотчас признался, что княгиня пленила его, и оставил весьма лестный словесный портрет, где в числе прочих прелестей упоминались ее уста, словно зовущие к поцелую⁶. Она же поначалу, видимо, ничуть не интересовалась этим молодым человеком. Их связь, видимо, началась годом позже. По ночам Станислав, напялив парик, прокрадывался в покои своей возлюбленной. Если стража окликала его, он выдавал себя за музыканта из капеллы.

Иногда и княгиня, переодевшись в мужское платье, приказывала проводить ее в дом английского консула Рафтона, чтобы там часок-другой помиловаться с любовником. Впрочем, великий князь препятствовал увлечениям супруги куда меньше, чем государыня, которая относилась к сексуальным авантюрам своих приближенных весьма неодобрительно, если считала, что эти проказы могут иметь политические последствия.

Понятовский стал, несомненно, первой большой любовью Екатерины. Образованный, превосходно воспитанный, он пожил в Англии и в Париже, где бывал в доме мадам Жоффрен, прозванной «Мамочка». Он разделял интеллектуальные склонности великой княгини, клялся ей в беспредельном обожании⁷. 9 декабря 1757 года Екатерина родила дочь Анну. Сперва Петр отказывался признать ее, настолько очевидным для всех было отцовство другого. И все же потом он согласился не затевать скандала — Понятовский и его сумел очаровать, ведя с ним беседы о воинском искусстве и дав почувствовать, что разделяет его восторг перед Фридрихом II⁸. Эти четверо — Екатерина, ее супруг, Елизавета Воронцова и польский граф — ужинали вместе, а затем каждая пара отправлялась в свою опочивальню. Этот союз четверых продержался год. Напряженная обстановка в Восточной Пруссии, вероятность аннексии последней или ее обмена на приграничные польские земли — все это обязывало Понятовского оставить Петербург. Нет сомнения, что здесь и посольство Франции руку приложило. Лопиталь умело разжигал подозрительность Елизаветы. Не странно ли видеть, как посланец короля Польши, курфюрста Саксонии, во имя защиты интересов которого Австрия и Франция взялись за оружие, превращается в орудие английских интриг, почти не скрываясь, шпионит в пользу Фридриха II⁹? Чтобы отсрочить разлуку, Станислав попробовал притвориться больным — тщетно: сама императрица настояла на его немедленном отъезде¹⁰.

Между тем Петр непрестанно раздражал императрицу. Вплоть до начала 1757 года он регулярно заявлялся на заседания Конференции министров и приказывал, чтобы протоколы за ним носил его секретарь Волков, предполагаемый агент Фридриха¹¹. С того момента, когда подписание союзного договора между Францией и Австрией было ратифицировано и нападение на Пруссию стало делом решенным, он отказался ставить под документами свою подпись. Систематически отправлял присылаемые ему бумаги обратно и давал членам Конференции министров понять, что придет день, когда им придется локти кусать из-за того, что связались с Людовиком и Марией Терезией! По-видимому, он был хорошо осведомлен о ходе боев; ему присылали депеши прямым от начальника прусского штаба. Посольство Англии тоже служило передаточным пунктом: сначала Вильямс, потом сменивший его Кейт, отправляя в Лондон официальные донесения, слали их через Берлин. Таким образом, Фридрих имел возможность вплотную следить за всем, что происходило при русском дворе. Он с лихорадочным нетерпением ждал известия о кончине Елизаветы.

Состояние здоровья государыни и впрямь ухудшалось, вставал вопрос о том, кто займет ее место, но она и слышать об этом не хотела. Ее отношения с Петром становились все более натянутыми. Безрассудные выходки великого князя, это восхищение Пруссией, которое он выставлял напоказ, ставили под сомнение его способность к политической деятельности. Императрицу приводила в отчаяние шумная и беспорядочная жизнь племянника — все эти женщины, азартная игра, пьянство. Что-то слишком скоро она забыла о нравах своих родителей, да и о собственных веселых годочках! Впрочем, и русские не любили, даже ненавидели великого князя, среди прочего их возмущали его многочисленные кощунственные заявления. Коли так, не помышляла ли царица лишить его наследства, а права на регентство передать его жене по случаю малолетства их сына Павла? Почему бы

и не вознести ее на вершину государственной пирамиды, ведь женщины царствовали на Руси уже более тридцати лет?

Несомненно, она думала об этом, да и все толковали о том же. Но Елизавета, верная своим привычкам, всякое решение откладывала сколько могла. Установить новый порядок престолонаследия значило бы признаться во всеулышание, что со здоровьем у нее очень пеладно. Екатерина же понимала, сколь ненадежно ее будущее, неразрывно связанное с судьбой опостылевшего мужа. По всей вероятности, ей придется разделить его жребий, станет он императором или нет. В принципе его права на трон были неоспоримы в силу прямого родства с Петром I и Елизаветинского указа в его пользу. Между тем великий князь с удовольствием демонстрировал всем и каждому их супружеский разлад. Екатерина стоически сносила эти публичные унижения. Это позволяло ей в свой черед демонстрировать цельность натуры и сохранять дистанцию в отношении мужа, тем самым обеспечивая себе свободу маневра. Если Петр и дальше будет потрясать общественные устои, в крайнем случае она сможет предстать в роли спасительницы государства¹². Исподтишка Екатерина старалась укреплять и подпитывать верность своих сторонников, ведя с ними продолжительные беседы. Она неплохо усвоила уроки государственного переворота 1741 года и теперь тоже привлекла «под свою руку» три гвардейских полка, регулярно посещая их казармы и расточая маленькие знаки внимания семействам офицеров и солдат¹³.

Бестужев со своей стороны тоже обдумывал, как быть с преемником Елизаветы. Он не доверял великому князю, хотя напoказ был с ним в добром согласии. Его план состоял в том, чтобы короновать Петра, а его супругу объявить соправительницей. Он уже заранее приготовился в нужный момент прибрать к рукам все ключевые посты: он станет генерал-поручиком четырех гвардейских полков и начальником трех наиболее влиятельных учреждений: коллегии иностранных дел, военной и адмиралтейств-коллегии. Великая

княгиня находила этот замысел чересчур дерзким, но предоставила министру действовать на свой страх и риск. Он даже думал убедить Елизавету подписать документ, выдвигающий Екатерину на первый план в ущерб официальному наследнику, — первый шаг к окончательному падению, да и для самой германской принцессы ход опасный¹⁴.

Имелся в запасе и другой вариант: Петра низложить в пользу его сына Павла, тогда быть Екатерине регентшей под контролем Сената или под надзором Шуваловых; Россия вновь станет «аристократической», ведь эфемерные признаки такого поворота событий уже намечались в начале царствования Анны Иоанновны¹⁵. Оставалась, по-видимому, и возможность отыскать тот застенок, где прячут Ивана, низложенного царя, которому теперь уже было около двадцати лет. Если же верить Понятовскому, среди придворных имела хождение и еще более безумная идея: Бестужев якобы попытался убедить Елизавету официально объявить о своем браке с Разумовским и узаконить их детей, но императрица отказалась: то ли смелости не хватило, то ли восторжествовало чувство справедливости, коль скоро она обещала трон своему племяннику¹⁶. Все эти интриги в изобилии отражались в дипломатической переписке, сбивая с толку кабинеты министров в тот самый момент, когда исход Семилетней войны был весьма сомнителен.

А был ведь и еще один сценарий, для Екатерины самый катастрофический: Петр разведется, будь то при жизни императрицы или после ее кончины, возьмет в жены Елизавету Воронцову, уродливую, но хитрую, чрезвычайно изобретательную и одаренную по части недозволенных услад¹⁷. А чтобы окончательно убрать с дороги первую жену, он может объявить маленького Павла незаконнорожденным. Еще он может воскресить старую традицию царских разводов и запереть Екатерину в монастырь — Петр Великий именно так обошелся с Евдокией Лопухиной. В этой далекой России роль матери престолонаследника не такая уж защита.

29 августа 1756 года в письме к своему наперснику Хэн-бери Вильямсу великая княгиня поведала о своих видах на будущее. Важнее всего позаботиться о себе, о своих детях — ради блага империи, разумеется. Как только придет известие о кончине Елизаветы, она бросится в комнату своего маленького сына Павла, чтобы забрать его к себе в покои или отдать на попечение Алексея Разумовского: это человек верный, он выше всех подозрений. Затем надо будет известить гвардию. Она войдет в сопровождении Апраксина, Бестужева, Панина и Ливена в комнату, где лежит покойная императрица, и там примет присягу командиров Преображенского, Семеновского и Измайловского полков. О том, что все повернулось в ее пользу, предстоит тотчас объявить обоим великим князьям, Петру и Павлу, это должно произойти в прихожей Екатерины. Малейшую попытку к сопротивлению мгновенно пресекут офицеры и солдаты при поддержке противников Петра¹⁸. Екатерина объявит о возвращении в Петербург посла из Потсдама, германский эмиссар в ущерб французам восстановит равновесие сил при дворе. Несомненно, по наущению одного из своих преданных сторонников, бывшего русского представителя в Стокгольме Никиты Панина, она уже тогда заговорила о союзе северных держав, призванном объединить Англию, Голландию, Пруссию и Россию, к которому могут также присоединиться курфюрсты Священной Римской империи германской нации, чтобы общими усилиями «спасти» Европу от засилья Франции и Австрии, ставших союзницами после подписания Версальского договора¹⁹.

Дипломаты и министры отдавали себе отчет в том, насколько значительна личность Екатерины, чей ум, культура и достоинство вызывали безусловное восхищение. Несмотря на свои англофильские настроения, она и французское посольство интересовала. Его секретарь Жан Луи Фавье оставил нам примечательный анализ ее характера. Вместо того чтобы приобретать теоретические и практические познания касательно искусства правления, она, по его наблюдениям,

проявляла чрезвычайную склонность к метафизике и моральным построениям современных философов. Конечно, она научилась у них, что не следует отделять искусство просвещать людей от искусства ими управлять, но из этого она вывела возвышенный, хотя и невыполнимый политический принцип. Этому ее «роману власти» роковым образом суждено остаться в туманной области небытия, ибо подобные идеи неприменимы к жизни грубого народа, одуревшего от суеверий²⁰. Екатерина умела скрывать игру, которую вела, она была прагматична и ждала часа, когда можно будет перехватить бразды правления. Ее выбор чтения выдает одновременно желание убить время и стремление к основательным теоретическим знаниям.

Великая княгиня, хотя при дворе и держалась исключительно скромно, незаметно, от близких отнюдь не таила своего интереса к государственным делам. Она могла рассчитывать на Бестужева, но знала, что он и сам находится в весьма уязвимом положении — об этом позаботились интриганы Шуваловы. Императрица уже и не думала скрывать, сколь глубоко она презирает канцлера, а его внезапно завязавшаяся дружба с Екатериной ситуации не улучшала. А тут ее ушей достигли новые слухи. Ее племянница получила 20 000 дукатов от Англии, эта сумма предназначалась для того, чтобы она могла вести дом на широкую ногу и подбадривать своих сторонников маленькими подарками. Это шло вразрез с официальной политикой. Дружеские и сердечные узы, связывающие великую княгиню с британцами, а стало быть, косвенно и с Пруссией, давали хороший повод для ее дискредитации. При дворе, где начинала ощущаться нехватка средств, ее контакты с этими двумя странами возбуждали завистливое злословие. Лопиталь разжигал пламя тлеющей неприязни. Он нашептывал: не затем Елизавета вступила в войну, чтобы та, кто может в будущем если не занять ее место, то получить право слова в грядущих политических решениях, уже теперь у нее на глазах вела игру, противную ее идеалам! Брак Петра и Екатерины не-

когда был заключен не без содействия Фридриха II, мать великой княгини серьезно скомпрометировала себя интригами в пользу пруссака, а чего доброго, даже и брауншвейгского семейства. Сверх того великая княгиня никогда не скрывала, что она не в восторге от вступления России в коалицию против Пруссии. Сколько бы она ни прикидывалась русской патриоткой, утверждая, что любит свою страну с тою же страстью, с какой спартанец любил Лакедемон, это все пустое²¹. Елизавета думала так же, жена племянника ее раздражала тем сильнее, что враждебность государыни ко всем лицам германского происхождения за годы войны непрестанно возрастала.

Екатерина старалась держаться безукоризненно, самым стилем поведения показывая, что она не чета супругу с его развязными выходками. Он же оставался «пруссак до смертного часа», что лишь увеличивало презрение к нему со стороны народа. Его страсть к военной науке привела к тому, что в нем развилась особая грубость нрава и вспыльчивость, которые тоже не пришлись по душе русским. А его жена хорошо освоила язык страны и не упускала случая показать, какая она благочестивая поборница православия. Она готовила почву для захвата власти и создавала более благоприятную атмосферу для скорейшего заключения мира — лучший способ завоевать популярность! Все это она делала, держась в тени своего супруга — обожателя Пруссии, чтобы тем вернее выставить его в невыгодном свете. Но хотя великая княгиня все спланировала отлично, ее интриги и любовные романы чуть не испортили дело.

К величайшей досаде императрицы, англичанину Вильямсу с помощью канцлера удалось добиться возвращения Понятовского в Петербург в качестве польского представителя; защищенный новым официальным статусом, он теперь получил большую свободу маневра. В войне его страна сохраняла нейтралитет, но шляхта втайне надеялась, что правительство сменится и русские войска уберутся наконец с польской земли. Красавец Станислав был очень не по серд-

цу Елизавете, которая прислушивалась к подсказкам Эстергази и Лопиталя, обвинявших этого человека в том, что он шпион Фридриха²². Что до Хэнбери Вильямса, тот был достаточно откровенным противником Версальского договора, чтобы скомпрометировать себя в глазах царицы, а к этому еще прибавилась ее обида на Вестминстерский договор (В России более известен как Уайтхоллский договор 1756 года), который она сочла предательством. Так что Вильямсу пришлось вернуться в Англию. С его отъездом великая княгиня вновь утратила ценнейшего советника, помогавшего ей ориентироваться в лабиринтах мировой политики.

Между Екатериной и Вильямсом завязалась регулярная сверхсекретная переписка, в которой она поверяла ему свои честолюбивые планы и опасения²³, имевшие касательство к войне, взаимоотношениям России и Пруссии и ее связи с Понятовским. Последний воплощал роковую двойственность Польши: для этой славянской страны главной союзницей оставалась Франция, но вместе с тем ее влиятельные круги рассчитывали на Англию как на силу, способную нейтрализовать большого соседа, умерить русские притязания. Позиция молодого графа выдавала эту раздвоенность: он не мог вполне угодить ни той, ни другой стороне. Со стороны посольства Франции он даже вызывал неприязнь, в нем видели врага, от которого один вред. Новый британский представитель Кейт считал, что в лице Станислава, потомка знаменитого рода Чарторыйских, он имеет отличное орудие, посредством коего можно манипулировать членами Конференции министров. Все средства казались хороши, только бы снова перетянуть Россию на англо-прусскую сторону, нейтрализовать Францию и свести на нет влияние ее представителя в Петербурге. Но молодому графу не хватало политической зрелости, чтобы проворачивать планы такого масштаба: он совершал ошибку за ошибкой, был недостаточно сдержан, неловок и понятия не имел, как противодействовать интригам французов. Что до Лопиталя, он приво-

дил своих противников в отчаяние тем, что накоротке сошелся с Иваном Шуваловым, Воронцовым и Эстергази. Они составили сплоченную группу и пользовались симпатией Елизаветы. Из переписки Екатерины с английским посланником явствует, что она питала неприязнь к царицыну фавориту: ей хотелось удалить его от двора, если не сразу, то со временем, по мере того как в правительстве будут происходить задуманные перемены. Между тем клан Шуваловых располагал страшным оружием: когда возникнет переполох вокруг опустевшего трона, они могли извлечь Ивана Антоновича из его тюрьмы и использовать против четы их императорских высочеств²⁴... Ведь если Петр вконец испортил свою репутацию, то имя герцога Брауншвейгского было, напротив, ничем не запятнано: в глазах многих русских он оставался единственным законным наследником Елизаветы. И при этом малообразованный, не искушенный в политических хитросплетениях молодой царь представлял собой идеальную добычу для истосковавшихся по власти олигархов.

Наперекор всему, что ей угрожало, Екатерина решила запастись терпением. В ожидании кончины императрицы великая княгиня уверяла Вильямса, что все идет как подобает: пока мы, дескать, строим несколько дворцов в испанском вкусе и налаживаем отношения с Бестужевым, Апраксиным, Трубецким и даже Бутурлиным. Молодая женщина поглощена сбором сведений, готовясь, когда понадобится, действовать стремительно. Трем доверенным лицам, не знающим друг друга, она поручает наблюдать за царицей и в самомалейших подробностях извещать ее о состоянии здоровья Елизаветы, о предпочтениях, оказываемых ею тому или другому министру, а также о том, как она реагирует на известия с театра военных действий²⁵.

Между тем Петербург кишел прусскими шпионами. Военнопленный офицер из Шверина, юный аристократ, сохранивший свободу на том поставленном Елизаветой условии, что не покинет русскую столицу, постоянно посещал малый двор. Петр вместе со своим новым другом ликовал при каж-

дой победе их общего кумира, что до его военных неудач, оба неизменно подвергали сомнению достоверность этих вестей, объясняя оные вражеской пропагандой, призванной скрыть несостоятельность как австрийской, так и русской армии. Вилье, француз, переводивший немецкие статьи для «Санкт-Петербургских ведомостей», сетовал на своих начальников: предвзятость поклонников Пруссии, на его взгляд, граничила с помешательством. Не является ли «тупое, непристойное, разнузданное» упоение, которое кое-кто из иностранцев испытывает при поражении союзников императрицы, свидетельством массового умственного расстройства или по меньшей мере забвения своего долга и чувства благодарности? Пример был заразителен, как эпидемия, настроения такого сорта распространялись все шире, затрагивая многих иностранцев, включая даже членов различных петербургских корпораций. Елизавета не заблуждалась — знала, что Петр строит козни, попав под влияние «проклятых голштейнцев». В одной записке она даже назвала его чудовищем, добычей сатаны²⁶. Но как бы там ни было, никогда ничего против него не затевала: несмотря ни на что, он оставался внуком Петра Великого, косвенным гарантом законности ее права на трон Романовых.

Екатерина, в свою очередь, теряла почву под ногами, оглушенная потоком сообщений, зачастую противоречащих друг другу. Военные и дипломатические планы России были ей ведомы благодаря дружбе с Апраксиным и Бестужевым; по-видимому, она без колебаний делилась кое-какими деталями этого рода со своим британским конфиденнтом. Она шла на большой риск, когда, пользуясь своим влиянием на старого фельдмаршала Апраксина, побуждала его задержать марш русских войск на Пруссию. Состояние здоровья Елизаветы заставляло опасаться крайне резкого поворота во внешней политике, и Екатерина старалась заручиться признательностью тех, кто в критическом случае мог поддержать ее: так, она регулярно переписывалась с Апраксиным, Бестужевым и рядом менее заметных лиц вроде Никиты Панина, тонко-

го знатока дипломатии. Связь Петра с Елизаветой Воронцовой была серьезной, к тому же последняя состояла в родстве с вице-канцлером, чьи отношения с великой княгиней всегда отличались двойственностью, колеблясь между недоверием и неким интеллектуальным восхищением.

Отставка Апраксина в конце 1757 года сопровождалась скандалом. Елизавета, оправившись после удара, пришла в ярость, узнав, что русские войска после победы под Гросс-Егерсдорфом отошли к востоку, как только стало известно о ее болезни. Это же преступление! Оскорбление величества! В бумагах фельдмаршала обнаружилось письма великой княгини, где та подробно описывала ситуацию при дворе. Бестужев, прежде чем его арестовали за соучастие, имел смелость предать огню все послания, компрометирующие Екатерину, — еще одно свидетельство его веры в ее грядущее возвышение. Петр со своей стороны, догадываясь об этих интригах в пользу его жены, искал способа ее очернить и ради этого добился приватной беседы с императрицей. Выложил ей все про роман Екатерины с Понятовским, рождение их дочери, дружбу великой княгини с Вильямсом и Бестужевым — доводов, способных возбудить подозрительность Елизаветы, нашлось предостаточно. Почувяв, что надвигается гроза, Екатерина попыталась ускользнуть из-под удара. Написала государыне письмо по-русски, умоляя принять ее²⁷. Елизавета не ответила. А назавтра горничная великой княгини была взята под стражу без объяснения причин. Но тут благодаря вмешательству одной из своих компаньенок Екатерина смогла переговорить с духовником императрицы Дубянским, человеком очень влиятельным, которому она изложила свои проблемы. В тот же день, когда состоялся их разговор, то есть 13 (24) апреля 1758 года, в половине второго ночи ее позвали к царице. Войдя в императорские покои, она была неприятно поражена, обнаружив там Петра и начальника Тайной канцелярии Александра Шувалова, одновременно исполнявшего роль домоправителя великокняжеской четы. Судя по тому, что за ширмой раздалось

шуршание, там еще кто-то прятался — наверняка Иван Шувалов. Елизавета не стала церемониться со своей племянницей. Обвинила ее в гордыне и дерзкой заносчивости: по какому праву она суется в политику? Даже она сама, дочь Петра Великого, никогда бы на это не осмелилась во времена Анны Иоанновны! Когда Екатерина попробовала отрицать, что переписывалась с Апраксиным, Елизавета вне себя от гнева показала ей пачку писем, писанных ее рукой. Но у немецкой принцессы еще хватило присутствия духа, чтобы возразить, что эти послания доказывают ее невиновность — она ведь никогда никому не отдавала приказаний, уж тем паче главнокомандующему. Рыдая, она бросилась на колени и умоляла императрицу отпустить ее на родину, в Цербст. Елизавета холодно напомнила, что у нее есть дети. Екатерина запротестовала: разве не лучше, если их воспитание будет проходить под защитой и опекой ее августейшего величества? Великий князь начал осыпать свою супругу всеми мыслимыми упреками, но императрица пропускала их мимо ушей — ее занимала только переписка с Апраксиным. Она нервно вышагивала из угла в угол, кричала о заговоре, грозила подвергнуть Бестужева пытке, уж тогда она узнает больше. Но Екатерина держалась так твердо, что царицу взяло сомнение, и она вдруг резко приказала ей отправляться в свои покои.

В тот же день молодая женщина получила записку с сообщением, что Елизавета желает ее видеть. Был ли это последний политический демарш стареющей императрицы? По-видимому, свойственные ей ум и проницательность побудили ее склониться на сторону маленькой немки: она предложила ей потолковать тет-а-тет²⁸, встречу назначила на 23 мая (4 июня). В ожидании этого Екатерина прочла первые пять томов «Истории путешествий» и с головой ушла в фолианты «Энциклопедии». В назначенный день разговор опять вертелся вокруг ее писем к Апраксину. Екатерина не уступала: нет, ее нельзя обвинить в преступлении против государства. Елизавета расспрашивала и о том, как она живет с ее племянником. Весь свет сомневается в отцовстве Петра,

особенно в том, что принц-наследник вправду его сын. Но достоинство и смирение Екатерины принесли свои плоды: она вышла из испытания невредимой. Хотя расплатилась все-таки очень дорого: Апраксин был арестован и во время допросов скончался, Бестужева отправили в ссылку, Понятовскому пришлось подать прошение об отставке. Молодая женщина, казалось, вовек не утешится. Несмотря на все их разногласия, Елизавета стала отныне ее единственной покровительницей. А между тем состояние ее здоровья внушало сильнейшие опасения. Теперь если бы государыня вдруг умерла, ей бы оставалось одно — вернуться в княжество Цербст. Чтобы получить возможность безнаказанно жениться на Елизавете Воронцовой, Петр угрожал запереть свою законную супругу в монастырь. К тому же ее измены и дети, зачатые вне брака, были веским доводом против нее. Однако в 1759 году великая княгиня нашла себе нового героя, капитана артиллерии Григория Орлова, который вскоре стал ее любовником²⁹. Эта связь с ее стороны была, безусловно, менее бескорыстной, чем страстное увлечение Понятовским. Орлов и его четыре брата, весьма популярные в гвардии, сулили хорошую защиту от притеснений супруга, ненавидимого нацией за его пренебрежение к русской культуре. Когда Елизавета угасла, новая императрица (на сей раз по мужу) была уже опять беременна. Это состояние, пусть и тщательно скрываемое, помешало ей учинить государственный переворот незамедлительно³⁰. Свойственная Екатерине жажда власти временно отступила перед насущными житейскими тревогами.

ЕВРОПА У ИЗГОЛОВЬЯ ЕЛИЗАВЕТЫ

Здоровье русской императрицы стало славать уже в середине 1750-х годов, но причин этого никто не знал. Некоторые подозревали, что она пользуется своими недомоганиями как предлогом для оттяжки политических решений. В

декабре 1755 года сильнейший приступ ревматизма помешал ей подписать договор с Великобританией. Незадолго до того она поранила руку, пытаясь заслониться от панно, сорвавшегося со стены в комнате маленького Павла Петровича и упавшего ей на голову. Несколько дней спустя, когда наступил день ее рождения, она отменила церемонию целования руки, заподозрив, что кость переломана в нескольких местах.

Осенью 1756 года Елизавета перенесла несколько тяжелых приступов. Слегла — кровотечения мешали ей передвигаться. Поговаривали о раке. 29 октября она лишилась чувств, тело стало холодным, словно оледенело, а когда пришла в себя, не могла говорить — потребовались невероятные усилия, чтобы вернуть себе дар речи. Прием слабительного принес облегчение, но она по временам теряла память, не понимала, где находится, уже и самых близких не узнавала. К Рождеству каким-то чудом оправилась и день своего рождения смогла отпраздновать на публике. Ее близкие, вся страна вновь могли надеяться на лучшее.

Частые обмороки вновь стали повторяться с первых же месяцев 1757 года: при дворе исподтишка поговаривали, что это истерические приливы, следствие тяжелого и болезненно переживаемого климакса³¹. Повторные кровопускания не помогали. Чувствовала себя она худо, но своего здоровья совсем не берегла. Война приводила ее в уныние; несмотря на свирепое желание раздавить Фридриха II, ей была нестерпима мысль, что там льется кровь ее подданных. Она искала убежища в молитвах и созерцании и, не слушая предостережений своего лейб-медика, грека Кондоиди, скрупулезно соблюдала посты, на долгие недели отказываясь от пищи, необходимой для поддержания ее сил.

При всем том Елизавета еще долго сохраняла обманчиво здоровый вид. Нескончаемые церемонии подкрашивания, припудривания, переодевания — она была способна менять наряд раз пять, пока не отыщется платье, которое особенно к лицу, — все это в конце концов приносило свои плоды.

Понятовский оставил нам убедительный словесный портрет русской государыни на пороге пятидесяти лет. Рассмотрев восковую маску Петра Великого, хранившуюся в Академии наук, он пришел к заключению, что дочь весьма похожа на отца. Понятовский отмечает в наружности Елизаветы некоторую диспропорцию — лицо большое, но черты мелкие и тонкие, лоб чрезвычайно высок, это поражает, волосы начинаются чуть ли не на самой верхушке черепа. У царицы — большие, выразительные голубые глаза, закругленный нос и «маленький рот с отменными зубами». Подобно своему родителю, она поражала могучим торсом, расстояние между ее плечами и верхом корсета представлялось «невероятным». Кисти ее рук, безупречно изысканных и нежных, казалось, не должны были принадлежать этому громадному телу, которое зато было «крепким и очень белым».

Императрица умела причесываться и одеваться «в манере, присущей только ей одной»; наперекор излишней полноте она оставалась «женщиной, которая могла нравиться и нравилась многим» благодаря своей грации и благородству. Понятовский приписывал ей «нечто вроде магического воздействия, превращавшего ее, как в физическом, так и в духовном смысле, в самую впечатляющую достопримечательность двора». Вообще же она «наиболее авантажно смотрелась анфас»; ее профиль из-за непомерной выпуклости лба и груди вызывал неприятное изумление³².

Ничто в этой внешности не заставляло предположить, что у императрицы серьезные неполадки со здоровьем. Однако осенью 1757 года тревожные симптомы возобновились, а к лету 1758 года приобрели угрожающий характер. В день Рождества Богородицы Елизавете пришлось спешно из церкви царскосельского прихода выйти на свежий воздух, где она, едва дойдя до угла здания, упала в обморок прямо на траву. Крестьяне, пришедшие на богослужение из окрестных сел, сгрудились вокруг, не зная, что делать. Придворные дамы, осведомленные получше, прибежали на помощь и укрыли бесчувственную царицу белой простыней. Подо-

спел хирург, француз по фамилии Фузадье, который решил-ся, не разгоняя толпу, пустить императрице кровь. Ее личный врач Кондоиди, сам больной, прибыл на место три часа спустя в носилках; он велел принести ширмы и канапе, куда удалось уложить Елизавету, все еще без сознания. Царица пришла в себя часа через два, но никого не узнавала, спрашивала слабым голосом, где она. Только тогда ее отнесли во дворец. Екатерина описала эту сцену в своих мемуарах с плохо скрытым раздражением. До той поры двор скрывал болезненное состояние государыни, но теперь тайна выплыла на свет божий, здоровье Елизаветы стало предметом всеобщих толков³³.

В ходе продолжительной беседы на сей скользкий предмет с Воронцовым Лопиталь вспомнил «особое лечение», которое Пуассонье практиковал в отношении женских болезней³⁴. Ему взбрело на ум предложить Берни послать этого врача в Россию, чтобы он мог оберегать жизнь Елизаветы, столь драгоценную для антипрусской коалиции, и крепить дружбу своей пациентки с Людовиком XV, ставшую весьма хрупкой после неприятностей 1748 года и обиды, нанесенной в Эксла-Шапель. Императрица согласилась принять специалиста по женским недугам в Петербурге, но настаивала на высочайшей секретности этого предприятия. Таким образом, гласность, желанная в этом случае дипломату, полностью исключалась. Только Воронцову, королю, Берни и, разумеется, Пуассонье было позволено знать о цели пребывания последнего в России. В качестве предлога ему полагалось ссылаться на научные исследования, надобность уладить какое-нибудь сугубо частное дело или же прибыть как «любопытный путешественник», но главное, ни в коем случае не обнаруживать своего истинного рода занятий. Елизавета видела дело чести в том, чтобы заставить Людовика принять эти условия: разве сам факт, что она будет лечиться у присланного им врача, не есть знак высочайшего доверия?

Король дал согласие — в принципе. Но прежде чем появиться откуда ни возьмись в русской столице, питомец Гип-

пократа должен был преодолеть бесчисленные затруднения. Пуассонье в ту пору исполнял должность главного врача французской армии в Вестфалии. Под каким же предлогом он должен покинуть войско, если его миссия так секретна? Государственный секретарь в военном ведомстве Польми, его непосредственный начальник, в число посвященных не входил. К тому же надо было подыскать себе преемника, а одним из опустошительных последствий войны в Америке было то, что численность хирургов и военных врачей сильно сократилась³⁵. К тому же в связи с надобностью соблюдать тайну возникала еще одна проблема: в качестве персоны какого ранга Пуассонье должен появиться в Петербурге, чтобы быть принятым при императорском дворе и встречаться с Елизаветой?

А припадки между тем настигали государыню от месяца к месяцу все чаще; следовало опасаться за ее жизнь. Прусская армия успешно сопротивлялась напору союзных сил — Фридрих одержал победы под Росбахом и Лейтеном. Только у русской армии оставался шанс раздавить его и прогнать из Саксонии и Силезии. Но стоит Елизавете умереть, и ее племянник тотчас отведет свои войска, порвет с коалицией, и Гогенцоллерн будет спасен. Здоровье императрицы стало вопросом общеевропейского значения, ее смерть сулила тяжкие последствия. Поэтому Людовик лично вмешался, чтобы ускорить ход событий и поторопить отъезд врача на восток. И вот Пуассонье, проделав путь через Варшаву и Митаву, обосновался в Петербурге на исходе октября 1758 года. Едва прибыв туда, он имел беседу с маркизом Лопиталем, который поделился с ним своими впечатлениями касательно здоровья Елизаветы. Несмотря на ее сияющий вид, он подметил несколько беспокоящих признаков: легкое конвульсивное покашливание, мешки под глазами, заметные, несмотря на толстый слой крема и пудры. Пуассонье предположил грудную водянку. И стал в ожидании встречи с Кондонди расспрашивать других людей, каково, на их взгляд, общее состояние государыни³⁶. Тут обнаружилась новая пробле-

ма: Елизавета терпеть не могла разговоров о своем здоровье и отказывалась принимать лекарства. Она, по своему обыкновению, все откладывала встречу с посланцем Людовика. Кончилось тем, что Воронцов передал ему доклад с описанием состояния здоровья императрицы. В послании к Берни, датированном 30 ноября 1758 года, французский врач писал, что, по его впечатлению, жизнь Елизаветы в большой опасности. Кроме кашля, «отчасти истерического», вкупе с одышкой ему внушала беспокойство отечность ног. Гипотезу насчет грудной водянки он подтверждал, но предполагал, что имеет место также инфильтрация жидкости в легкие. Надобность поговорить с императрицей о ее недомоганиях Пуассонье считал неотложной, без этого нет возможности «открыть глаза ее врачу» и найти средства, чтобы ее вылечить³⁷.

Фридрих, хорошо осведомленный о запутанных перипетиях, творящихся при русском дворе, без колебаний принялся распускать слухи, что дни Елизаветы сочтены. Великий князь и Екатерина, в подробностях описывая английским представителям терзающие царицу приступы, лишь способствовали тому. Личный врач Фридриха II, имевший доступ ко всем сведениям, раздобытым затем, чтобы проанализировать состояние здоровья Елизаветы, объявил ее неизлечимой и поделился своим заключением с газетчиками. Пуассонье пришлось в срочном порядке опровергать эти упорные слухи, раскрыв таким образом секрет своей миссии³⁸. Наступил январь 1759 года, а он все еще не был удостоен приватной аудиенции. Шуазель, преемник Берни на посту министра иностранных дел, не скрывал досады. Наверняка во всем повинен Кондоиди, вот кто из зависти препятствует встрече своей больной с другим врачом, а это так важно для судеб Европы! Лучше бы обратиться к Ивану Шувалову, его «склонность к наукам» позволяет надеяться на серьезный разговор и, может быть, на долгожданный осмотр императрицы³⁹. На исходе февраля Пуассонье сообщает, что стараниями Воронцова и Шувалова получил повы-

шение, именуется теперь врачом-консультантом, но все еще в глаза не видел главного заинтересованного лица. Отсюда он делал вывод, и не без оснований, что Елизавета не хочет узнать правду, бежит от нее. Поддерживая видимость прекрасного здоровья, она, все еще привлекательная, «скрывает от себя» нависшую над ней опасность, капризничает, не желает принимать лекарства. Ее характерная нерешительность побуждает царицу откладывать встречу, грозящую напомнить ей, что она больна. В то время, когда врач писал об этом, состояние Елизаветы вновь резко ухудшилось. Если верить Шувалову, воспаление стало проступать у нее на лице, появились кровоизлияния и подозрительные пятна на руках и на ногах: там стали возникать, кровоточить и тут же зарубцовываться какие-то язвы. На сей раз врач определил давнишнее, по-видимому, недолеченное заболевание матки, к которому прибавилась «цинготная порча» в крови, заполняющей легкие. Но Елизавета продолжала восставать против мсдикаментозного вмешательства, так что врачам приходилось ограничиваться «паллиативными средствами» вроде промываний и кровопусканий⁴⁰.

Обреченный на бездействие, Пуассонье готовился к церемонии приема в Академию наук — таково было официальное обоснование его присутствия в Петербурге. 8 мая 1759 года он произнес там свою вступительную речь. Желая расширить свои познания, он, дескать, предпринял многотрудное путешествие на север с целью исследовать вопрос о правилах гигиены, каковые надобно соблюдать в этом климате, чтобы оставаться в добром здравии. Он пришел к выводу, что неправильный режим питания порождает общую ипохондрию. Он советовал внимательнее следить за работой печей и проветривать помещения прежде, чем затопить. «Слишком поправительные» блюда, как и «чрезмерно горячительные» напитки, надобно исключить. Вместо этого он рекомендовал физические упражнения, если не на свежем воздухе, то по крайней мере в манежах и залах для игры в мяч. Если болезнь не отступит, показан также курс

лечения минеральной водой. Заодно, коли к слову пришлось, француз призвал произвести на территории России систематические изыскания целебных источников⁴¹.

Через месяц после этого доклада Елизавета скрепила своей подписью документ, согласно которому Пуассонье назначался личным врачом ее величества; ему полагалось теперь годовое жалованье в 5000 рублей, сумма по тем временам солидная, а также он получал в свое распоряжение карету с императорскими гербами. Ему предоставили апартаменты в Петергофе над покоями императрицы⁴². Фавориты и придворные должны были оказывать ему сугубое почтение. А между тем и в мае 1759 года он все еще не был допущен к государыне. Француз завоевал доверие Кондоиди, который с готовностью подвергался настойчивым расспросам о состоянии Елизаветы⁴³. Грек передал ему свой дневник, куда он с 1754 года изо дня в день записывал все, что касалось ее здоровья. С начала июня 1759 года оба врача все время ждали приказа явиться в Петергоф, где проводили лето царица и двор. Наконец 28 июля Пуассонье смог поговорить с Елизаветой, она уделила ему три четверти часа. Он тотчас определил ее главный недуг: меланхолия, порожденная слишком уединенной жизнью и тяжелым протеканием климакса.

Перво-наперво он предписал ей физические упражнения и развлечения. Обещал, что липовый отвар и бальзам Гофмана укрепят ее нервы. Сказал, что важно «держатъ свой живот свободным», настаивал на строгом соблюдении режима. Она, мол, должна воздерживаться от жирной и тяжелой пищи; молочные продукты, сдобные бисквиты и пирожные, которые она обожала, и «густые, недостаточно перебродившие» напитки отныне под запретом. Врач рекомендовал ей почаще есть супы с овсяными зернами и приправлять свои блюда хреном. На ужин он советовал салат-латук, цикорий, шпинат, щавель, кресс-салат, телятину в соусе в сопровождении жаркого из белого мяса с легкой приправой⁴⁴. К величайшему изумлению двора, императрица послушалась, аккуратно принимала лекарства и совершала ежедневные ма-

ленькие прогулки⁴⁵. Пуассонье также сумел найти верные слова, чтобы успокоить главную тревогу правительницы — ее угрызения, связанные с военными действиями в центре Европы и человеческими жизнями, которые приходится приносить в жертву. С такими могущественными и надежными союзниками, утверждал он, исход войны не вызывает никаких сомнений. А новые усилия, направленные против неприятеля, согласно человеколюбивым намерениям ее величества, спасут многие жизни, коль скоро Фридрих II больше никому не сможет угрожать⁴⁶. Ведь миссия Пуассонье не ограничивалась исцелением государыни, он должен был побудить ее оставаться заодно с союзниками, несмотря на собственную усталость и недовольство Воронцова.

Назначенное лечение оказалось действенным, но недостаточным. Когда наступила осень, государыня снова впала в оцепенение, вернулась к неподвижному образу жизни. Пуассонье упрекал фаворитов и придворных в том, что они мешают ей появляться на публике, так что ее можно увидеть лишь на театральных представлениях, где с ней даже поговорить невозможно⁴⁷. Врачу казалось, что окружение дочери Петра Великого — главные виновники ее психосоматических недомоганий, что самые близкие либо стесняют ее по недомыслию, либо обманывают из корысти. Группировки и кланы измучили ее обилием противоречивых сообщений о внешних и внутренних делах государства. Вносил свою лепту и малый двор, чьи интриги в пользу Пруссии стали для нее, по выражению лейб-медика, «неиссякающим источником огорчений»⁴⁸. Один из ее наперсников (нетрудно догадаться, что речь идет о франкмасоне Иване Шувалове) пытался даже поколебать государыню в ее вере: его попытки объявить иконы «суеверием» возмутили ее императорское величество, она, как глубоко верующая, так прогневалась, что повелела ему умолкнуть. Были у нее и другие причины, приводящие в смятение: с театра военных действий приходили псевдоточные известия, судя по всему, Бутурлин не справлялся с ситуацией. Внутри страны нарастал разброд. Россия

была на грани анархии: молва о царицыных хворях нарушала спокойствие, выводя из равновесия систему правосудия и государственный аппарат. Тут и там вспыхивали бунты местного значения⁴⁹. Раздражало государыню еще с 1756 года и то, что новый Зимний дворец не достроен, Растрелли требует астрономических сумм на завершение отделки императорских покоев. А между тем казна пуста: война поглотила все до последней копейки. Таким образом, Елизавета по-прежнему живет во дворце, который считался слишком скромным. Какое оскорбление для нее с ее притязаниями на мощь и великолепие! Того хуже: ее мучил назойливый страх погибнуть при пожаре. Став почти совершенно беспомощной из-за своих недугов и полноты, она воображала, как будет сгорать заживо, — еще один фактор, вызывающий нервное напряжение, подтачивающий ее силы.

Да, основные причины болезней Елизаветы носили психический характер. Лекарства, кровопускания и слабительные приносили облегчение, но в ограниченных пределах. Кондоиди мог заниматься всем этим и один, тут разницы не было. В начале августа 1759 года Пуассонье выразил желание возобновить свою службу в армии короля. Здесь он использовал уже все свои медицинские возможности: царица была на пути к исцелению, если говорить о телесном здоровье. А врачу не терпелось покинуть эту страну, «морально и физически столь противопоказанную французу». Да и конкуренты, разумеется, не преминули воспользоваться его отсутствием, чтобы навредить ему в глазах Людовика XV. Еще одним поводом просить о возвращении во Францию стала щепетильность: пришла пора расстаться с русской императрицей, ибо она рисковала слишком пристраститься к его заботам. Врачу представлялось, что лучше «уехать прежде, чем благосклонность ее возрастет, подкрепленная длительной привычкой»⁵⁰.

Людовик колебался, с позволением не спешил — он пожелал отложить возвращение Пуассонье на полгода. Елизавете об этом тотчас же известили, и она пожелала, чтобы

врач оставался при ней до середины лета 1760 года. Герцог де Бретейль, новый посол Франции, видимостью не обольщался: конечно, императрица, как посмотришь, лучилась здоровьем, но этот эффект достигался ценой пятичасовых подкрашиваний, притираний и припудривания, «русским искусством расставлять все прелести по своим местам». Пуассонье стал одной из главных тем секретной корреспонденции между двумя венценосцами: как тот, так и другая расточали непомерные хвалы его таланту врача и тому усердию, с каким он стремится «крепить и увековечивать узы доверия все более безоглядного и взаимопонимания все более полного», связывающие их во имя грядущего процветания обеих наций, подданных Людовика и Елизаветы и в конечном счете ради блага всей Европы⁵¹. Шувалов и Воронцов не препятствовали желанию Пуассонье вернуться на родину. Благодаря их рекомендациям он получил чин государственного советника. Императрица поблагодарила Людовика за его обязательность и заботу, заверила, что присутствие этого врача укрепило в ее сердце узы единения и взаимопонимания, связывающие ее с Францией⁵².

Пуассонье чуть не пришлось отложить свой отъезд из-за скоропостижной смерти Кондоиди: 11 сентября того сразил разрыв сердца. Елизавета была очень опечалена, но быстро назначила нового лейб-медика, шотландца Джеймса Маунси, который практиковал в России с 1736 года⁵³. Ему дали жалованье 4000 рублей в год и чин государственного советника. Новое положение Маунси использовал для того, чтобы повысить престиж своей профессии и учредить среди медиков, включая хирургов и аптекарей, своего рода «табель о рангах». Таким образом, триста тринадцать врачей, прежде чем приступить к своей практике при дворе, в штатских госпиталях и в армии, присягнули императрице. Двое из них, Шиллинг и Крузе, получили наряду с Маунси то же назначение.

Состояние русской государыни оставалось стабильным в продолжение полугода. Но в начале 1761 года наступило

новое ухудшение. Кровоизлияния усилились, опять ноги усеяли язвы. Возникли отеки. В июле она потеряла сознание после сильнейших судорог. Ей пришлось провести в постели больше месяца, по временам ее трепала лихорадка. 24 августа новости стали лучше: теперь она могла пересаживаться с постели на кресло. Но ее затворничество продолжалось, в своем уединении она не выносила ничьего общества, за исключением детей своих камерфрау или малолетних калмыков. Однако итальянскому тенору Компасси, одновременно владевшему искусством шутовства и пантомимы, удавалось развлечь царицу, он даже присутствовал на ее интимных ужинах с фаворитом. Певец вдруг снискал невероятную популярность в дипломатических сферах: через него вел единственный нейтральный путь, по которому еще можно было достигнуть ушей императрицы, Шувалов не в счет, он же «продался» австро-французской коалиции⁵⁴.

Надежды стали оживать, особенно у союзников, для которых кончина царицы явилась бы катастрофой. В Версале уже не на шутку рассматривали вопрос о возможности сепаратных мирных переговоров с Англией, пусть и придется бросить Марию Терезию на произвол судьбы, уж очень пугали Людовика идеалы в духе Фридриха, обуревающие великого князя Петра. Но в декабре у государыни снова начались приступы, ее мучили приливы, спазмы, жар. Участившиеся обострения говорили о том, что общее состояние государыни стремительно ухудшается. Герцог де Бретейль, новый французский посол, заметил и другие тревожные знамения: приближенные императрицы выглядели мрачными, крайне обеспокоенными, а малый двор, напротив, подозрительно оживился. Елизавета могла умереть в любой момент, внезапно. 18 декабря с ней случилось что-то похожее на апоплексический удар, потом она пришла в себя, но у нее открылось обильное кровохарканье, кровь была черной, запекшейся. Тем не менее она, казалось, пошла на поправку, ее врачи объявили, что надеются на лучшее. Двумя днями позже в придворном «Камерфурьерском журнале» отмече-

но, что ничего особенного не происходит⁵⁵. Секретарь императрицы Олсуфьев отнес в Сенат ее последний указ, он призывал дезертиров вернуться в свои казармы и бичевал тех, кто увильнул от рекрутского набора 1759 года⁵⁶. Спустя еще два дня приступы начались опять, к кровавой рвоте добавился обильный понос, но сознания больная не теряла. Все официальные собрания были отменены.

Утром в понедельник 24 декабря у Елизаветы еще осталось сил распорядиться, чтобы в церквях молились о ней. Вопреки возражениям Ивана Шувалова она настояла на своем желании увидеть Петра и Екатерину. Насчет того, как прошла эта встреча, существует несколько противоречивых версий. По утверждениям одних, императрица была так слаба, что объясняться уже не могла. Другие рассказывают, что она обратилась сначала к Петру и якобы посоветовала ему быть добрым к своим подданным, дабы снискать их любовь, а затем повелела ему беречь мир и покой в империи. Она заклинала его жить в добром согласии со своей супругой и лелеять сына. Екатерина не произносила ни единого слова, а только беспрерывно рыдала⁵⁷. Затем царица попросила, чтобы ее исповедовали, и в тот же день приняла последнее причастие; даже в агонии она внимала молитвам и повторяла их слова. К ночи ее тело раздулось, она утратила зрение и больше не могла говорить. Двадцать четыре часа царица еще боролась, претерпевая невероятные мучения. Она угасла во вторник 25 декабря 1761 года в три часа пополудни. Трубецкой объявил толпе, собравшейся в прихожей, о ее кончине. Тотчас же известили послов. Императрица Елизавета только что, 18 декабря, отпраздновала свои пятьдесят два года.

Диагноз, поставленный Пуассонье, был — водянка груди, или инфильтрация в легкие. Симптомы заставляют предполагать, что у Елизаветы развился рак плевры; несомненно, она страдала также артериальной гипертонией. Произведенная аутопсия, по-видимому, точных результатов не дала. Пуассонье, хорошенько проанализировав психическое

состояние государыни, понял, в чем корень ее недугов. Двадцать лет царствования довели ее до глубокого изнеможения. Она никогда не любила принимать решения; с возрастом сомнения терзали ее все сильнее, распространяясь даже на пустейшие подробности, из-за чего она часто отказывалась подписывать документы. Война тяготела над ней как кошмар. Ходили слухи, что государыня всерьез подумывает, не удалиться ли в монастырь. К тому же Елизавета упорно отказывалась стареть как лицом, так и телом, она не могла этого принять. У нее пропала охота шалить с первым встречным желторотым красавчиком. Сколь бы мило и радостно ни служил ее прихотям молодой Шувалов, обмануть ее он не мог, царица знала о его изменах — бравому Разумовскому она таких безрассудств ни за что бы не простила⁵⁸. Поддержание собственной легендарной красоты сделалось ее пунктиком: долгие часы уходили на макияж, причесывание, нескончаемые перемены нарядов, обуви и украшений в поисках тех, что особенно к лицу, все это начиналось, как только она вставала с постели, и утомляло ее на весь остаток дня. К тому же она терпеть не могла врачебных запретов, вопреки всему то и дело напивалась, поглощая в изрядных количествах токайское и сладкие настойки⁵⁹. За весь 1761 год она, прежде так любившая покрасоваться перед толпой, показалась на публике всего единожды, в День апостола Андрея Первозванного. Балы-маскарады, поездки в оперу — все это было забыто: она утратила вкус к жизни, по-видимому, у нее мало осталось энергии, чтобы бороться с недугом.

При известии о ее смерти в стране воцарилась всеобщая подавленность. Границы тотчас закрыли, дипломатическую почту пересылали тайком через Финляндию и Швецию⁶⁰. Все понимали, что эта кончина повлечет радикальные перемены в политике России. Андрей Болотов, секретарь кенигсбергской канцелярии, описал уныние, охватившее ее сотрудников: они тотчас принялись молиться за упокой души усопшей. Они, рожденные или по крайности выросшие и достигшие чинов при мягком женском правлении, никак не

могли примириться с мыслью о правлении мужском, тем паче о власти Петра, грубость и жестокость которого были широко известны⁶¹.

В Санкт-Петербурге скорбь выражалась бурно: Иван Шувалов в порыве горя расцарапал себе ногтями лицо, Разумовский все время плакал, Воронцов нашел прибежище в болезни психосоматического свойства. А Петру Шувалову суждено последовать за ушедшей две недели спустя, он оставит по себе состояние в 600 000 рублей и... на 680 000 рублей долгов⁶². Однако во дворце придворные и военные уже спешили «распростереться ниц перед своим новым деспотом», как писал современник; все живое вмиг приготовилось склонить колена, личность покойной и бывшие опасения, связанные с личностью престолонаследника, казалось, были забыты, «раболепие заступило на место любви»⁶³. Екатерина появилась в пышном наряде, но с глазами, опухшими от слез. Кончина императрицы, хотя ее давно боялись, застала многих сторонников германской принцессы врасплох. У них не было времени, чтобы выработать серьезный план в противоположность Елизаветиным указаниям насчет престолонаследия. Тайный доброжелатель молодой императорской четы Фридрих II писал близким: «Morta la bestia, morto il venepo» («Гадюка околела, и яд ее иссяк»)⁶⁴. Были, несомненно, и другие, кто разделял его чувства, но некоторые желали той же участи и новому царю Всероссийскому, причем первой из таких была его супруга.

КОНЕЦ ЭПОХИ

Петр и Екатерина находились в комнате императрицы в момент, когда она испустила дух. Тело еще не успело остыть, а великий князь уже бросился на заседание Конференции министров с требованием, чтобы сановники принесли ему присягу. Это захватническое вторжение в ассамблею, заня-

тую иностранными делами, выглядело символично; немного позже он Конференцию распустит. Петр также незамедлительно отрешил от должности генерального прокурора Шаховского — по некоторым свидетельствам, единственного честного человека в стране, — заменив его Александром Глебовым, «мерзавцем, который продался англичанам» (как называл его в частном письме граф де Бретейль)⁶⁵. В Берлин было тотчас отправлено письмо, чтобы поскорее обрадовать Фридриха II хорошей новостью.

Согласно повелению нового царя, Екатерина взяла на себя заботы об останках усопшей. Ей было поручено проследить за подготовкой к погребению, руководить выбором наряда для покойницы, ее прически, украшений. Исполняя все это, она благодарно внимала советам старших приближенных дам Елизаветы. Будущая императрица не упустила из виду немалые возможности этих женщин и пользу, которую они способны принести в случае возможного государственного переворота. Царицын исповедник Дубянский, окруженный толпой священнослужителей, читал отрывки из Евангелия. Вдруг к Екатерине подлетел гофмаршал с сообщением, что она должна незамедлительно прибыть на ужин, который накрыт неподалеку от погребальной залы — надо пройти всего три комнаты. Ее просили явиться туда в платье пастельных тонов. Чуть позже последовал другой, противоположный приказ: она должна отправиться в императорскую часовню. Когда Екатерина вошла в церковь, там уже были в сборе все придворные сановники, они готовились принести присягу новому государю. Вместо заукой службы под сводами раздавалось «Тебе, Бога, хвалим!». Митрополит Новгородский Ссеченов произнес проповедь, восхваляющую достоинства нового императора. Петр нисколько не скрывал своего ликования, ведя себя как недостойный шут⁶⁶. Затем последовал ужин, во время которого сто пятьдесят приглашенных насилу могли скрыть, как им от всего этого не по себе; у дам глаза были красны от слез. Тропливое приспособленчество некоторых бросалось в гла-

за: Трубецкой, жалкий престарелый льстец, открыто выражал восторг по поводу восхождения на трон Петра⁶⁷; Иван Шувалов, топчась за спиной императора, смеялся в один голос с ним. А тело Елизаветы в это самое время вскрывали и бальзамировали. Ее обмыли, нарядили и уложили на кровать под балдахин, украшенным изображением двуглавого орла. На следующий день снова состоялось богослужение и завтрак, на который сотрапезники должны были явиться в праздничных одеждах. Назойливость этих требований выдавала желание царя приступить к празднованию своего возвышения, не тратя времени на оплакивание уходящей эпохи. Тут он опирался на давний указ Елизаветы, запретивший носить траур при дворе. Смущение овладело всеми, оно еще усугубилось, когда Петр распорядился призвать в Петербург Бирона, Миниха, Лестока и Лопухиных. Похоже, Россия возвращалась к «немецкому режиму». Опять будет как при Анне Иоанновне?

Три дня спустя после кончины Елизаветы ношение черных одежд было наконец разрешено. Панихида, когда возносились молитвы об отпущении грехов усопшей и упокоении ее души, состоялась в отсутствие императора. Он посчитал совершенно необходимым вместо этого праздновать в кругу своих приверженцев протестантское Рождество. Тогда же, хотя он не был пока ни помазан, ни коронован, Петр, к немалой досаде народа, проехался с друзьями по столице в императорских каретах⁶⁸. Екатерине пришлось стерпеть, что Петр поселил свою любовницу Елизавету Воронцову в покои рядом с их собственными. Эти последние были обиты черным, царь принимал там аудиенции в ожидании, когда установится преемственность власти.

Был объявлен годичный траур; вся деятельность театров приостановлена до 1762 года. Однако уже при погребении Елизаветы возникли нововведения, давшие почувствовать, что к обряду приложила руку молодая, иностранного происхождения императорская чета. Реквием был сочинен Манфредини под руководством петербургских францискан-

цев. Художник Страдизи, театральный декоратор, и специалист по сценической механике Бригонци из оперы выстроили помост, на котором расположились музыканты, хористы и певцы, в том числе кастраты. Невзирая на явное нарушение православных традиций, во время похорон не допускавших игры на музыкальных инструментах, церемония проходила под музыку. Присутствовали новый царь, Петр III, и сановники двора. Этот «концерт» продолжался два часа, за ним последовал завтрак.

На следующий день после смерти Елизаветы новый император приказал создать для организации похорон погребальную комиссию. Не допускалось даже самомалейшее противодействие его приказаниям. Он не поскупился на переоборудование парадной залы, где будет выставлено тело государыни. А между тем казна пребывала в самом приискорбном состоянии. В нерассуждающем порыве Петр отвалил 100 000 рублей в полновесной звонкой монете, лишь бы ускорить проведение работ⁶⁹. Они должны были завершиться в первых числах февраля, ибо день рождения Петра приходился на десятое число этого месяца. На комиссии, собравшейся в прежнем дворце Бестужева, председательствовал Никита Трубецкой. Штелину поручили заняться декором, притом не забывая об аллегорических изображениях и надписях, а также подготовить оформление катафалка, на котором тело будет доставлено в Петропавловский собор. В помощь себе он привлек архитектора Вюста, коему поручалась окончательная отделка; пригласили также множество французских и немецких скульпторов, имена которых нигде не упоминаются. Однако их финансовые запросы оказались столь велики, что вскоре по совету распорядителей работ Павлова и чеха Юста их всех уволили, призвав вместо них шестьдесят русских мастеров и подмастерьев. Они воздвигли двадцать статуй, сорок капителей, двадцать четыре урны и сорок стел и памятных знаков, украшенных ракушечной облицовкой и ветвевидным орнаментом. Петр бдительно надзирал за ходом работ. Стоит поразмыслить,

почему он придавал такое значение погребальной церемонии в честь своей тетки, которой он был, разумеется, обязан тронном одной из ведущих европейских держав, но также и насильственной ссылкой в страну, чьей культуры он никогда не принимал. Видимо, он хранил верность монархическим ритуалам, рассчитывая посредством этой церемонии косвенно подчеркнуть всю незыблемость своих законных прав.

Похороны Елизаветы были организованы в духе традиции, начало которой положил Петр Великий. Усопшая императрица сначала покоилась в опочивальне, куда имели право входить только высшие правительственные сановники. Затем тело, облаченное в платье цвета серебра с белой кружевной отделкой, уложили в гроб и выставили в парадной зале, через которую проходили чередой сначала персоны, наделенные некоторыми привилегиями. Стены залы задрапировали черной тканью с серебряным шитьем — на этих вышивках библейские мотивы чередовались с государственной символикой. Гроб, задрапированный блестящим золотистым шелком, ниспадающим до полу, водружался на место трона, на возвышение под балдахином с горностаевой отделкой. На ступени трона поставили двенадцать канделябров. Императорские регалии и ордена разложили на десяти табуретах. Позади умершей установили знамя с гербами империи, а у ее ног — серебряную чашу, наполненную рисом и виноградом из Коринфа. Священники ежедневно обновляли ее содержимое⁷⁰. Тело Елизаветы должно было оставаться открытым для обозрения в течение месяца; после нового литургического богослужения народ получал право отдать последние почести той, чье милостивое и счастливое царствование так восхвалялось.

Швейцарский ювелир Позье оставил нам свидетельство о том, какая двусмысленная ситуация сложилась после кончины Елизаветы. При организации погребальных церемоний отчетливо проявилось соперничество Петра и Екатерины, каждый из которых стремился показать, что власть пе-

рсходит именно в его руки: император ревностно надзирал над строительством катафалка, его супруга столь же усердно занималась презентацией останков и регалий, особенно ее заботила корона, надетая на голову покойницы. Злополучный женевец, уже не понимая, какому святому молиться, в конце концов прямо спросил нового царя, вправе ли он следовать указаниям его жены. Петр согласился: поскольку работа ювелира происходит в уединении — правда, относительно, ибо во дворце, — здесь главенствующая роль Екатерины ничего не доказывала. Швейцарец не смог скрыть волнения, когда вошел в парадную залу, где лежала Елизавета. Шесть тысяч свечей горели здесь, ярко озаряя помещение. Приближенные дамы царицы, ее фрейлины, камерфрау, все в черном, окружали гроб, но держались на некотором расстоянии. Многие заливались слезами. Священники в полном траурном облачении читали молитвы. Следуя непреложному обычаю, Позье приблизился к гробу. Надо было поклониться три раза, при двух первых поклонах коснувшись рукой пола. Прежде чем преклонить колена и облобызать руку покойной императрицы надлежало расprostереться ниц и лбом коснуться пола. Когда ювелир исполнял все это, внезапно вошла Екатерина в сопровождении пажа, она несла корону, изготовленную им же специально для этого случая, на ней была начертана надпись, гласившая, что Елизавета Петровна, самодержица весьма благочестивая, великая государыня, рождена 18 декабря 1709 года, взошла на трон монархиней и императрицей 25 декабря 1741 года, скончалась 25 декабря 1761 года. Заметим, что означенная здесь дата коронации на самом деле была датой государственного переворота: таким образом, захват власти представлялся актом более законным, нежели помазание, — знак важный, едва ли не пророческий...

Екатерина поманила ювелира к себе, желая, чтобы он помог ей надеть корону на голову усопшей. Он предусмотрительно сделал корону на маленьких винтах, чтобы можно было ее расширить. Это и впрямь пришлось сделать, пустив

в ход иппцы, потому что голова Елизаветы сильно распухла. Было слышно, как перешептывались дамы: всех восхищало самообладание Екатерины, которая, будучи беременной уже далеко не на первом месяце, собственноручно возилась с короной, надевая ее на голову усопшей. Впечатления ювелира были ужасны: несмотря на ладан и благовония, запах, исходящий от тела, был так невыносим, что он едва не лишился чувств⁷¹. Изредка в погребальную залу заходил император, то ли поклониться усопшей, то ли побалагурить с фрейлинами, посмеяться над священниками и строго отчитать офицеров, если находил, что их мундиры не безупречны⁷².

25 января, как только грянул сигнальный выстрел пушки, погребальная процессия тронулась в сторону Петропавловской крепости. Гроб был водружен на сани, окруженные шестью десятками учащих кадетского корпуса. За ним следовали гофмаршал Гаврила Головкин, Петр, Екатерина, Георг Людвиг и Петр Август Фридрих Шлезвиг-Голштейнские. Две тысячи солдат с факелами и восемьдесят шесть кавалеристов двигались впереди процессии. За ними следовали по пятам священнослужители. Сто двадцать восемь гренадер от гвардии, барабанщики и трубачи, депутаты от губерний и представители полиции шли вслед за императорским семейством. Русское дворянство было представлено двадцатью шестью персонами, от Украины прибыли девять человек. За ними шли придворные дамы, а также жены и дочери чиновников первых восьми рангов. Знамена, в том числе знамя Оренбургской губернии, созданной в 1744 году, флаги и регалии везли на лошадях, покрытых черными бархатными попонами⁷³. Зрители дивились, приметив среди регалий черного прусского орла. В 1743 году Елизавета была награждена этим орденом — тут Петр вроде бы проявил почтение к традиции; однако в разгар войны с Фридрихом II такая подробность выглядела наглым вызовом и явно шла вразрез с волей покойной государыни.

Если верить мемуарам Екатерины, Петр получал озорное удовольствие, нарочно отставая от погребальной повозки, порой метров на шестьдесят, чтобы после пытаться догнать ее бегом. Сановники, что несли край его черной мантии, не могли поспеть за ним и мантию отпускали, ветер тотчас вздувал ее пузырем, это очень смешило царя, он повторил эту ребяческую выходку несколько раз. Процессию приходилось останавливать, чтобы самые старые участники могли успеть в церковь. Во время траурного богослужения Петр вел себя не лучше: позволял себе болтать с соседями и грызть сладости. Но насколько можно доверять свидетельству женщины, утверждавшей, что она была вынуждена в одиночку взять на себя организацию погребальной церемонии, дабы на свой манер пристроиться к этой традиции преемственности власти⁷⁴? После своего государственного переворота, после подозрительной смерти сначала Петра, а потом и несчастного Ивана она имела слишком много причин, чтобы оправдывать свои действия, самым карикатурным образом выпячивая доказательства испорченности покойного супруга.

Верный западной традиции, Петр знал, что государь, умирая, одновременно передает свои полномочия, так что теперь, после смерти своей тетки, его дело исполнять роль императора. Так поддерживается значимость сана, и теперь, не в пример предшествующим царствованиям, это будет происходить абсолютно законно⁷⁵. Со времен Федора Алексеевича (1676—1682) герцог Голштейнский был первым взрослым престолонаследником, в полной мере сознающим свое предназначение и самым недвусмысленным образом назначенным на эту роль еще при жизни предыдущего монарха. Вплоть до погребения он оставлял регалии подле катафалка, когда же брэнная оболочка императрицы скрылась в склепе, усопшая вручила ему всю полноту священной власти. Тем не менее он не удержался, привнес в церемонию кое-что примечательное: за гробом следовали не прямые родственники Елизаветы, а два его голштейнских кузена. Та-

ким образом Петр переосмыслил передачу власти на свой лад: наследуя корону, он признавал, что преемственность идет от Елизаветы, дочери Петра Великого, к нему, согласно поговорке «Мертвый хватает живого»⁷⁶; но, позаботившись, чтобы среди орденов фигурировал черный орел, он создал своего рода «встречное движение», идущее от него, голштейнского герцога и почитателя Фридриха II, к Елизавете. Так германский мир приобщался к русской короне — вот уж на что покойница никогда бы не согласилась.

Исходя из утверждений Екатерины нрав Петра не позволял ему строго соблюсти срок траура: он не сумел выдержать паузу между прощанием с государыней, очень популярной в народе, и увеселениями, сопряженными с его восхождением на трон⁷⁷. Тем не менее внимание, которое он уделил траурным церемониям, заставляет в этом усомниться. Да и сама Елизавета наперскор всем своим опасениям не пожелала изменить порядок наследования. По своему обыкновению интуитивно, но и рационально она прозревала в своем племяннике больше способностей, нежели соглашалась признать великая княгиня: порукой тому доверие, которое императрица оказывала ему в голштейнских делах. Первые решения молодого царя характеризуют его как последователя Петра Великого, плюс к тому здесь заметно влияние идей Просвещения и современных западных веяний. Новый самодержец упразднил Тайную канцелярию, «Слово и дело» государево, предназначенное для вынесения приговоров за оскорбление величества; Елизавете и самой хотелось так поступить, да решимости не хватило. Лютеранин в душе, презирающий православие, Петр вернулся к принципам религиозной терпимости своего деда и даже превзошел его: издал указ о смягчении наказаний, которым подвергались староверы. Зато он ускорил секуляризацию церковного имущества. Тогда начались такие грубые конфискации, что ему пришлось издать указ о запрете обыскивать монашеские кельи. А 18 февраля 1762 года император дал ход «Манифесту о вольностях дворянства». Отныне по его

воле дворяне были избавлены от принудительной службы, но их обязывали в случае войны идти на нее добровольно — такая формулировка, по сути, не меняла их образа жизни⁷⁸. Таким образом Петр наносил удар по армии, причем в момент, когда она пребывала на вершине славы после взятия Берлина и оккупации Восточной Пруссии. Когда в феврале 1762-го было объявлено о начале мирных переговоров, это известие как громом поразило русских генералов. Захару Чернышеву было приказано прекратить бои и оставить армию. Возмущение военных достигло предела, когда они узнали, что главной ставкой в переговорах со смертельным врагом Фридрихом II было Голштейнское герцогство. Король-воитель заявил, что готов уступить Восточную Пруссию в обмен на территориальные компенсации и впредь защищать родные угодья нового царя от любых притязаний датчан⁷⁹. Интересы огромной империи были принесены в жертву ради маленького княжества. 24 апреля Петр отказался от всего, что было отвоевано русскими у Гогенцоллерна, а тот официально объявил себя гарантом нерушимости всех притязаний русского монарха на Шлезвиг⁸⁰. Уверившись в его поддержке, Петр попытался спровоцировать конфликт со своим извечным врагом Данией и принялся перевооружаться на случай войны с ней; с этой целью он приказал войскам Чернышева двинуться в направлении Мекленбурга. Этот новый переворот в системе альянсов, жертвой которого должна была стать Дания, насторожил самых горячих сторонников мира с Пруссией. Сам Фридрих начал опасаться кипучего нрава своего протеже. То, что последний, не будучи еще коронован, а стало быть, и не являясь законным правителем, взял на себя командование армией и покинул Санкт-Петербург, выглядело чистым безумием. Петр еще пуще усугубил это впечатление, создав военную комиссию, которой было поручено переодеть и обучить солдат по прусскому образцу. Этим он навлек на себя гнев гвардейцев Преображенского, Семеновского и Измайловского полков, верных патриотическим принципам Елизаветы и питающих

глубокую приверженность к своей русской идентичности. К тому же молодой царь, упразднив Конференцию в пользу Императорского совета, где заседали много немцев, остался без самых способных министров⁸¹. Сенат же, в свою очередь, лишился изрядной части своих административных функций, отданных Высокой палате, тоже заполоненной немцами.

Одна ли Екатерина была ответственна за низвержение Петра, или за этим стоял заговор олигархов, рассчитанный на установление конституционной монархии? Екатерина, родив 10 апреля 1762 года сына от Орлова, поняла, что она в опасности: на сей раз у Петра не оставалось никаких причин, чтобы признать это дитя. Елизавета уже не могла ни изменить порядок наследования, ни каким-либо иным образом надавить на своего племянника. К тому же Петр принял меры предосторожности: принося присягу, последовал примеру своего деда: торжественно провозгласил, что наследника он выберет сам. В официальных молитвах его сын Павел именовался цесаревичем (термин, который не понравился бы Елизавете), что не означало в точном смысле наследника или преемника. В самом ли деле он намеревался отрицать свое отцовство и расторгнуть брак с Екатериной? Как к свидетельствам последней, так и к мемуарам княгини Дашковой в этом смысле надо подходить с осторожностью. Личность Петра, конечно, внушала современникам известное беспокойство, но его полнейшая неспособность править не доказана. Он допускал ошибки, особенно в области религии и в отношении армейских дел, но разве это достаточная причина, чтобы его свергнуть, а возможно, и убить? Но его жена оказалась в деликатной ситуации: новый император был очень влюблен в Елизавету Воронцову и имел серьезные основания сомневаться в своем отцовстве, даже в отношении маленького Павла. Однако последняя гипотеза делала уязвимым и его собственное положение. Так что царь был заинтересован в том, чтобы ладить со своей супругой: его сын, воспитанный лично Елизаветой, своим существованием подтверждал, что он, иностранный принц, по

закону унаследовал русский престол. Ведь был и другой наследник Романовых, в Шлиссельбурге, в тюремной камере... Елизавета, верная своим принципам, оставила маленького Ивана VI в живых. Лишенный какого-либо умственного развития, отупевший вследствие двадцатилетнего заточения, он мог стать орудием жаждущих власти родственных кланов. Стало быть, Екатерина опередила события: постаралась воспользоваться замыслами олигархов для осуществления своей мечты — отстранить мужа от власти в пользу своего сына и — почему бы нет? — занять его место самой.

Созвездие исполнителей этого государственного переворота не лишено интереса: Никита Панин, мимолетный любовник покойной царицы, Кирилл Разумовский и Григорий Теплов, «креатуры» Елизаветы и поддержавшие их новые люди — пятеро братьев Орловых, воистину чада «милостивого и благодатного царствования дочери Петра Великого», как восклицал один из знаменитых современников⁸². К ним в момент переворота примкнули гвардейцы — частью ветераны дворцового штурма 1744 года. Вопреки запрету они гордо облачились в свои русские мундиры старого образца. Рассказ Екатерины о свержении императора озадачивает — уж очень все это похоже на то, что случилось встарь. Петр со своей любовницей находился в Ораниенбауме, а императрица бежала в Петергоф. Она решила действовать после того, как супруг публично оскорбил ее во время пира в честь заключения мирного договора с Пруссией. Она знала, что сй грозит опасность! Под эскортом солдат она явилась в столицу, где несколько гвардейских полков присягнули на верность ей. Здесь наблюдалось существенное отличие от восшествия на трон покойной императрицы: когда Екатерина была объявлена самодержицей, а ее сын наследником престола, это произошло в Казанском соборе; что до Елизаветы, она заявила свои права в Летнем дворце. Стало быть,

новой императрице для того, чтобы узаконить свои права, потребовалась поддержка церкви. Принесение присяги состоялось позже в Зимнем дворце; о регентстве больше речи не было. Гвардейцы плотным кольцом окружили здание, Дмитрий Сеченов, митрополит Новгородский, принял от них клятву верности молодой государыне, толпе показали маленького Павла... Вправду ли военные понимали, во имя кого и чего они совершили все это? Вскоре немецкая принцесса в ущерб своему сыну объявила себя самодержавной государыней и императрицей Всероссийской.

Одно представляется несомненным: манифесты о ее восшествии на престол были составлены и, по всей вероятности, напечатаны заблаговременно, еще до событий⁸³. Екатерина не забыла главного урока Елизаветы: ее первый указ от 28 июня 1762 года возвещал, что она приняла власть ради спасения православной церкви и избавления русской армии от оскорбительной обязанности объединиться с пруссаками. Эта чисто риторическая формулировка показывает, как государственные соображения прямым образом вывели рвущуюся к власти Екатерину на дорожку, протоптанную Елизаветой. И снова, как в 1741 году, пришлось решать судьбу низложенного императора, еще не ведающего, какой ему выпал жребий. Сорок офицеров и около десяти тысяч солдат вслед за молодой женщиной, одетой в гвардейский мундир, явились в Ораниенбаум, чтобы принудить Петра отречься от престола. Царь попытался бежать в Кронштадт, но дороги были перекрыты. Попав в ловушку, он согласился подписать документ, в котором отрекался от трона. Екатерина отправила его в ссылку в Ропшу, где он вскоре умер при неясных обстоятельствах⁸⁴. Случилось ли у него кровоизлияние в мозг, как она утверждала? Был ли он убит в пьяной драке? Два года спустя другой наследник престола Романовых, объявленный императором в 1740 году Иван VI, был заколот стражей при неудачной попытке к бегству, орга-

низованной офицерами — противниками власти Екатерины. Теперь остался лишь один наследник Романовых по крови — Павел Петрович, в ту пору восьмилетний. Как некогда Петр Голштейнский, он тоже служил живым залогом легитимности государыни, это и было его главным предназначением. Маленькая Ангальт-Цербстская принцесса узурпировала российский престол, но со всей решительностью вписалась в родословную последних Романовых. В ее царствование были осуществлены великие реформы 1760—1780-х годов. Остальное довершила традиция женского правления, присущая русскому XVIII веку и во многом определившая его специфику.